

Хэй Цзы, увидев, что Линь Чэн, Ван Цзе и остальные такие свирепые, (а по-другому и не скажешь), хотя и обитает в цзянху так много лет, еще ни разу не встречал такой прямой и аккуратной боевой техники.

Прошло несколько минут, может быть минуты две-три, как из 30 его младших братьев 20 лежали на полу. Сегодня, поскольку он принимал бой на своей территории, а по Линь Чэну не было заметно, чтобы он привел с собой бойцов, Хэй Цзы не стал отдавать своим людям распоряжение приготовить тесаки и стальные трубы. Изначально Хэй Цзы думал немножко их припугнуть. У него так много людей, что, даже если они не будут драться, один их вид должен заставить Линь Чэна и его компанию разбежаться от страха. Но всего за несколько минут его младшие братья потерпели полное поражение, Хэй Цзы никак этого не ожидал.

Он не может просто так признать поражение, иначе какой он после этого старший брат? Он достал из ящика стола пистолет «54» и сказал:

— Прекратить! Брат, способный человек, как говорится, скрывает свои достоинства. Раньше я не спрашивал твоего имени, теперь же осмелюсь спросить, как тебя зовут?

Линь Чэн хлопнул в ладоши и неторопливо сел.

— Старина Хэй, незачем так сильно волноваться, ведь пистолет может случайно выстрелить. Сейчас контроль за огнестрельным оружием очень строгий.

— Ты панцирь? — Хэй Цзы направил пистолет на Линь Чэна.

Панцирями называют полицейских. Полицейские носят на голове фуражку, поэтому представители преступного мира называют их панцирями. Такой вот криминальный жаргон.

— Панцирь? — Линь Чэн казался озадаченным. Он не был преступником, поэтому не знал многих терминов, которыми пользуются представители этой профессии.

Выражение лица Линь Чэна не показалось Хэй Цзы фальшивым, однако он не спешил проникаться доверием. Линь Чэн понимал, что не сможет развеять сомнения Хэй Цзы, и сегодня не нужно расспрашивать его о бритоголовом и лице со шрамом.

Он посмотрел на пистолет в руках Хэй Цзы.

— Предоставить брату Хэю доказательство того, что я не полицейский, очень легко.

— О, — сказал Хэй Цзы, — и что же это за доказательство?

— Ха-ха, незаконное хранение оружия — это серьезное преступление, но мне совершенно

наплевать на твой пистолет. Знаешь почему?

Увидев, что Хэй Цзы покачал головой, Линь Чэн продолжил:

— Потому что твой пистолет не может причинить мне вреда.

Хэй Цзы рассмеялся:

— Ты, похоже, не знаешь, как я стреляю, с расстояния 30 метров у меня сто попаданий из ста. Хочешь проверить?

— Почему бы и нет. Я владею магией, думаю, что пистолет, который ты держишь, в следующую секунду окажется в моих руках.

Хэй Цзы снова громко рассмеялся:

— Попробуй.

Закончив говорить, он обнаружил, что Линь Чэн исчез, а затем его пистолет удивительным образом оказался у него в руках. Линь Чэн стоял перед Хэй Цзы, направив пистолет на него.

Хэй Цзы с недоверием посмотрел на Линь Чэна, словно сомневаясь, не привиделось ли ему это во сне. Линь Чэн бросил ему пистолет:

— Ну как, теперь ты веришь?

Хэй Цзы взял пистолет, взвел курок и осмотрел его. Линь Чэн медленно подошел обратно к дивану и снова на него сел. Хэй Цзы полностью уверен в своей меткости, однако произошедшее все еще казалось невероятным. Поняв, что Линь Чэн, похоже, не собирается причинять вред, он неуверенно сказал:

— Я сейчас не разглядел, каким образом ты забрал пистолет из моей руки, не мог бы ты повторить еще раз? Я досчитаю до трех, и начинай.

Линь Чэн кивнул. Считая до трех, Хэй Цзы вытаращил на него глаза. Закончив считать, он увидел, как Линь Чэн очень быстро поднялся и сделал около пяти шагов. Когда он находился от него на расстоянии 7-8 шагов, Хэй Цзы тут же повернул дуло пистолета, нацелившись на Линь Чэна, но скорость Линь Чэна явно была выше. Когда он снова хотел повернуть дуло, то обнаружил, что Линь Чэн уже схватил его пистолет. Он опять непостижимым образом лишился оружия. Линь Чэн повертел пистолет в руках и со знанием дела снял курок с предохранителя.

— Ты так сильно нервничаешь, что забыл снять с предохранителя.

Линь Чэн тоже мастер стрельбы из огнестрельного оружия, он унаследовал от отца и деда гены охотника, и чувствует инстинктивную тягу к оружию.

В это время Хэй Цзы осознал, что повстречал действительно выдающегося человека. Теперь он велел своим младшим братьям выйти, остался только он сам и Хуэй Цзы. Хэй Цзы хорошенько запер дверь, сел на диван напротив Линь Чэна и спросил о цели его визита.

Он подал Линь Чэну и его спутникам чаю и приготовился слушать.

Линь Чэн сначала принес Хэй Цзы свои извинения, сказав, что сожалеет о случившемся сегодня. Побили так много братьев, все расходы на лечение он берет на себя. Хэй Цзы замахал руками:

— Не нужно, не нужно. Я контролирую целый город, неужели не найду средства на лечение. Если еще раз заговоришь об этом, я буду чувствовать себя обиженным.

Линь Чэн сменил тему:

— Позволю себе некоторую бесцеремонность таким вопросом: Брат Хэй, не знаком ли ты с человеком, имеющим ножевой шрам на лице? В цзянху он известен под именем брат Шрам.

— У вас с ним личные счёты? — Хэй Цзы ответил не мешкая.

— Есть небольшое дело, хочу найти человека чтобы его уладить, — Линь Чэн не стал выкладывать все как есть, в конце концов, если общаешься в первый раз, сказанное стоит делить на три.

— Сложно сказать. Я знаю этого Шрама, но мы принадлежим разным группировкам, к тому же между нами есть некоторые разногласия, — Хэй Цзы колебался с ответом. Очевидно, что он искренне уважает Линь Чэна, и не хочет его обманывать.

— На самом деле между нами не такие уж большие разногласия, но Шрам — это новый «старший брат», который появился два года назад. Он известен своей жестокостью и безжалостностью, поэтому между нами не возникло глубокой дружбы.

— К какой группировке принадлежит Шрам?

— Шрам — первый среди помощников Чжао Циннаня, главаря банды Наньтянь. Он служит самоотверженно, отличается дерзкими замашками, обладает «доблестью, которой не могут противостоять тысячи мужей», воюет, не жалея сил. Шрам на его лице получен в ходе

жестокого боя. По слухам, в то время Шрам как раз закончил драку, все тело в крови, и явился в ресторан в южной части пригорода чтобы выпить и отпраздновать. А поскольку он только что дрался, не стал прятать нож. На самом деле он опасался, что придут люди чтобы ему отомстить, поэтому купил несколько газет, завернул в них свой тесак и уселся сверху. Говорят, что в это время вместе со Шрамом выпивали 5 или 6 человек. Когда выпили по полцзиня, в ресторан ворвалась группа людей с целью отомстить Шраму. Это происходило в большом зале ресторана, там ужинало много народу, и многие видели эту сцену. Шрам обернулся, взглянув на вбежавших людей. Один из них держал кухонный тесак, которым рубанул Шрама по черепушке. На голове кости крепкие, когда этот человек воткнул тесак в череп Шрама, тесак застрял между черепных костей, и как он не пытался, не смог вытащить. Все лицо Шрама залила кровь, он вытащил свой тесак из-под задницы и нанес им удар в направлении головы противника. Из-за того, что кровь заслонила Шраму зрение, удар получился косой, не попал в голову, а отрубил предплечье, отделив его от плеча. Окружающие перепугались при виде такой невообразимой ярости: Шрам с торчащим из башки кухонным тесаком и с другим тесаком, зажатым в руке, выглядел величественно и готов был рубить все, что ему попадет. В бандитских разборках, особенно с применением ножей, все знают чувство меры, знают, что дело не должно доходить до чрезмерного кровопролития и смерти от ранений. Но в этот раз лицо Шрама залила кровь, лицо приняло кровожадное выражение, из головы торчит тесак, так что пришедшие для расправы бандиты испугались, исчез их боевой дух, и они убежали, обгоняя друг друга. Шрам и его братья, размахивая ножами, преследовали их еще 300-400 метров, в это время в ресторане и на улице находилось немало народа, все наблюдали происходящее. Так Шрам заработал репутацию человека, не жалеющего себя в драке.

На этом месте Хэй Цзы поднял чашку с чаем, сделал глоток и продолжил:

— В то время Шрам уже стал первым «полководцем» под началом «южного небесного князя» Чжао Циннаня. Тогда Чжао Циннань еще не носил прозвище «южный небесный князь», его сфера влияния была небольшой, всего лишь два интернет-кафе и один караоке-бар. Его можно было назвать относительно крупным бандитом. Однако, после этого инцидента со Шрамом, его известность широко распространилась в криминальном мире. Бандиты высоко ценят храбрецов, и когда Шрам вошел в их круги, он начал пользоваться всеобщим уважением. Постепенно могущество Чжао Циннаня нарастало, как снежный ком, за последние 4-5 лет он стал высокомерным, обзавелся большим количеством «младших братьев», увеличил размах деятельности, нет таких дел, на которые бы он не решился. В южной части города он прибрал к своим рукам караоке-бар и салон интим-услуг, оказался причастным к сносу зданий в рамках реновации, приобрел на юге огромное влияние и теперь начал протягивать свои щупальца в сторону города.

Наша банда образовалась давно, и всегда располагалась в центре города, в районе Чжима. Нынешнего главаря банды назначил предыдущий старший брат, проводивший успешную борьбу за эту территорию, это своего рода преемственность от старшего к младшему. Наша старая банда всегда держала достоинство, полагаясь на прежнюю славу, не то что эти новые старшие братья.

Сказав это, он покачал головой, всем своим видом демонстрируя образ опечаленного героя.

— Брат Хэй, ты упомянул об основных центрах влияния в нашем городе. Помимо южного небесного князя, какие есть еще?

— Сейчас немало группировок, но, помимо нас и южного князя Чжао Циннаня, единственный, кто проделал путь к преступному миру, это Лю Сяодун, «восточный князь» из зоны экономического развития в восточной части города. Он сам из Дунбэя, зона экономического развития — это зона влияния дунбэйцев. В зоне развития их особенно много. Эти люди издревле славились тем, что в бою не жалеют сил. В то время в Яньвэе придавали особое значение особым экономическим зонам, многие дунбэйцы, уехавшие в Гуаньдун, возвращались в Яньвэй. Увидев, что здесь происходит развитие, звали родственников, братьев и сестер. Постепенно дунбэйцы в зоне развития образовали общину и приобрели мощное влияние. В то время, когда мы считали ниже своего достоинства расширяться в зоне развития, Лю Сяодун уже начал приобретать известность. Постепенно в зоне экономического развития появлялось все больше и больше корейского и японского капитала, и бизнеса, экономика развивалась чем дальше, тем больше. Жизнь Лю Сяодуна тоже становилась все лучше и лучше. К тому времени, когда мы задумали проникнуть в зону развития, Лю Сяодун уже носил прозвище «дунбэйский князь», подмял под себя немало караоке-баров этого района, имел в подчинении множество младших братьев, все сплошь дунбэйцы. Лю Сяодун пригревал и прикармливал множество людей, совершивших преступления в Дунбэе, и иногда использовал в своих целях. Эти люди имели судимости за нанесение тяжких повреждений или убийство человека, поэтому помощники из них получались жестокие. Таким образом Лю Сяодун крепко узурпировал зону экономического развития. Затем, не помню кто, предложил не использовать выражение «дунбэйский князь». Сейчас жители Яньвэя недолюбливают дунбэйцев, лучше называть его «восточным князем». Так прозвище Лю Сяодуна «восточный князь» разнеслось повсюду.

Это три самых известных деятеля в Яньвэе. Хотя других центров сосредоточения силы тоже немало, все они уступают этим трем. Сейчас банды не дерутся насмерть, как это было раньше, все осознают ценность сохранения мира. Вопросы решают тоже не как раньше, при помощи ножей, в наше время банды полагаются на экономическую мощь. Многие состоятельные люди сейчас имеют очень сильное влияние, в городе есть несколько таких, в пригородных районах их тоже достаточно много.

В современном обществе дерутся либо полные идиоты, либо слишком импульсивные люди.

<http://tl.rulate.ru/book/70407/3294890>